

## О НАДПИСИ НА КИТАЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ ИЗ ТУВЫ

Эта надпись, сделанная выпуклыми китайскими иероглифами стандартного почерка, идет по внешнему кольцу оборотной стороны зеркала. Она состоит из двадцати иероглифов и представляет собой четверостишие, по пяти слогов в строке. От времени или от нечеткости штампа часть иероглифов плохо сохранилась, но при более внимательном рассмотрении их можно восстановить, и вся строфа выглядит так <sup>2</sup>:

Русский перевод гласит:

Подобный перевод требует некоторого комментария, без коего он непонятен. Прежде всего о последней фразе. Слова «свою собственную сущность» переданы через иероглифы «цзы минсинь» — 自明心, где первое слово в обычном значении — «сам», «свое», второе — «ясность», «свет», а третье — «сердце». Поскольку в традиционном представлении китайцев сердце (синь) было хранилищем «мыслей», «мозга», то и сочетание этих иероглифов дает широко известный китайцам смысл «собственная сущность своих стремлений (помыслов).

Наибольшую сложность представляет для читателя выражение «[с помощью зеркала] проверять помыслы других людей», переданное через сочетание «чжаодань» — 照膽.

<sup>1</sup> Характер погребения, фактура зеркала, изображения на нем и историческая характеристика всего памятника рассмотрены в публикуемой выше статье А. Д. Грача. В моей статье речь идет только о самой надписи и связанных с ней замечаниях филологического характера.

3\*

педиям, при дворе в Сяньяне было магическое зеркало, называвшееся «зеркало чжаодань»; человек, смотревшийся в зеркало, видел отражение своего внутреннего мира, а если смотрела в него лукавая женщина, она ужасалась увиденным и тем выдавала себя. Всех служивших при дворе императора Цинь Ши-хуанди постоянно заставляли смотреться в зеркало и того, кто при этом вздрагивал или выказывал волнение, тотчас же предавали казни.

Такая историческая справка делает понятным, что владельцу найденного в тюркском погребении зеркала предлагалось не столько устраивать подобную проверку своих подчиненных, сколько познать самого себя через отражение в зеркале своего внутреннего мира.

Таков смысл надписи. Наличие в ней имени Цинь-вана, того имени, которое носил второй император династии Тан — Тай-цзун до своего вступления на престол в 627 г., а также этническая характеристика погребения позволяют предположительно датировать время создания зеркала первой четвертью VII в. н. э.

Однако уже при первоначальной обработке выявленного материала известные советские китаеведы В. С. Колоколов и Б. И. Панкратов возразили против подобной датировки и связи указанного имени Цинь-вана с танским Тай-цзуном. Указывая, что характер графического начертания иероглифов присущ лишь концу периода династии Тан, они предложили датировать зеркало VIII—X вв. н. э. Наличие имени Цинь-вана они объяснили как поэтический прием, в котором данное имя означает Цинь Ши-хуанди, обладавшего известным магическим зеркалом «Чжаодань-цзин», которое в литературе называется также «Цинь-цзин» (秦鏡).

С этим трудно согласиться. Прежде всего об имени Цинь-вана. При дворе Цинь Ши-хуанди магическое зеркало «Чжаодань-цзин», или просто «Цинь-цзин», имело определенное, можно сказать «фискальное», назначение. В тексте на рассматриваемом зеркале, напротив, подчеркивается пренебрежение к этой его роли. Если бы оно было зеркалом «Цинь-цзин», то не могло быть и речи о подобном изменении его назначения, иначе теряется весь смысл аллегории. Не менее важно и то, что отношение традиционной китайской литературы к Цинь Ши-хуанди как гонителю конфуцианства было резко отрицательным, и трудно предположить восстановление его имени при создании подобных предметов даже в X в. н. э.

Вместе с тем правомерен вопрос: почему же в тексте, наряду с совпадением имен, есть и совпадение выражения «чжаодань», имеющегося на зеркале первого китайского императора? Чтобы объяснить это, обратимся к прекрасному труду китайского ученого Фэн Юнь-пэна «Каталог вещам из металла и камня», изданному в 1821 г.<sup>3</sup> В предисловии к шестому тому своего труда, который специально отведен разбору китайских металлических зеркал за период от династии Хань до династии Юань включительно, автор приводит интересные данные. Из них мы узнаем, что в период династии Хань и Вэй обычные зеркала назывались «цзин» — 鏡, а в период династии Тан и Сун — «цзянь» — 鑑 однако помимо этого с периода чжоуского У-вана существовала особая категория зеркал, которые назывались «цзин» — 鏡. Этим иероглифом до династии Мин обозначали зеркала, обладавшие магическим свойством отражать внутреннюю сущность человека, показывать — добрая она или злая. Именно к этой категории относится и зеркало из Тувы.

Поскольку назначение зеркал такой категории — отражать злые помыслы других («чжаодань») или собственную сущность их владельца («цзы минсинь»), об этом и говорится в посвящении. Иными словами, некоторое сходство в назначении данного зеркала с зеркалом Цинь Ши-

<sup>3</sup> 馮雲鵬, 金石索, 金索六, 鏡鑑 (Фэн Юнь-пэн, Цзинши со, Цинь-со лю, раздел Цзинцзянь).

хуанди объясняется не тем, что в одном повторяется легенда о другом, а тем, что они оба относятся к группе магических зеркал «цзин». Зеркало Цинь Ши-хуанди отличалось прежде всего исполнением функции «чжао-дань» и дало этому понятию нарицательный смысл — «бесстрастный судья», что впоследствии прилагалось к чиновникам правосудия, прославившимся своей ревностной службой.

Таковы замечания по вопросу о связи Цинь-вана и Цинь Ши-хуанди. С датировкой же по характеру графического начертания иероглифов согласиться целиком нельзя: на основании аналогий, опубликованных в указанном каталоге, такая же графика есть и на зеркалах, созданных в период «Шести династий» — «Лю чао» (III—VI вв. н. э.)<sup>4</sup>.

Если учесть при этом, что характер изображения четырех собаководных коней, известных в Китае как «морские коньки» или «морские слоны» — «хайма» (海馬), совпадает со стилем, присущим зеркалам ханьской эпохи, то для датировки времени создания зеркала надо было привлечь какие-то решающие материалы. Такими материалами оказались старинные китайские каталоги — уже указанный каталог Фэна, а также два разных издания превосходного сочинения сунского писателя и ученого Хуан Чжан-жуя (XI в.) под названием «Альбом древностей»<sup>5</sup>.

В шестом томе каталога Фэна под графой «Зеркало танского Цинь-вана» приведены два зеркала, имеющие такую же надпись, что и на зеркале из Тувы, подобные же, но несколько отличные по стилю украшения. В 30-м цзюане на стр. 20-б обоих изданий альбома Хуана помещено «Танское железное зеркало самосозерцания». На обоих зеркалах в альбоме Хуана также по внутреннему кругу оборотной стороны находятся четыре «хайма», а по внешнему — надпись, в которой из первой строки четверостишия сохранилось всего два иероглифа, означающие «Цинь-ван». Именно это имя дало возможность составителю альбома в XI в. датировать зеркало танским временем. Остальные иероглифы надписи на зеркале в сунском альбоме такие же, как у Фэна и на зеркале из Тувы. Публикуя два зеркала «танского Цинь-вана», Фэн писал под первым из них: «Если взять сочинение «Альбом древностей» (Хуан Чжан-жуя. — Р. И.), то по сравнению с «танскими железными зеркалами самосозерцания» это — больше, украшение его иное, только пятисложные стихи одинаковы, поэтому они сделаны в одно время, в танское. Данное зеркало принадлежало Е Дун-цину» (известному антиквару времен династии Цин).

Все рассмотренное выше дает основание согласиться с мнением Хуан Чжан-жуя и его последователя Фэн Юнь-пэна, что зеркало с подобной надписью было сделано во времена танского Цинь-вана, второе имя которого было Тай-цзун.

<sup>4</sup> См. образец такого зеркала в публикации: Э. П. Рыгдылон, Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея, «Эпиграфика Востока», V, 1951, рис. 8.

<sup>5</sup> 黃長睿, 博古圖錄 (Хуан Чжан-жуй, Богу тулу).